

женщин', *вэрви* 'дратва', *звара вэрви* 'дратва, потерянная варом', *вэрдчыс* 'ямщик; проезжий, остававшийся для кормления лошадей', *вэџос* 'подкладка пиджака', *вывтыр* 'тело', *вылтыр кистіс* 'сыпь появилась на теле', *гаван'*, *галан'* 'запань', *гозйён* 'мельничная постанка', *грёмџок* 'браколёццы', *гэжэн'* 'молоко, замешенное в квас', *гыбад* 'бор из соснового леса', *калауз* 'ляжка у котомки', *калэз: ва калэз* 'сыроватое место', *кодзыл: джэкия кодзыл, кџа кодзыл* 'Большая медведица', *кэга* 'скирда', *кэрмыл'* 'красный дождевой червь', *кытыр тџыс'* 'полная луна', *лод* 'торф', *лучэз: туйис лучэз* 'ручка крышки бурака', *мџс дізі* — вид овода, *н'усу* — кличка, название для плохо видающего человека, *паутан: мыр паутан* 'лещ', *позтыр пџк* 'желток (яйца)', *пџвтан* 'лещ (не едят, бросают собакам)', *пэл'сіт* 'ушная сера', *сар* 'поперечная планка с отверстием в катушке, на которую наматывается нитка', *сџрд* 'еловый лес с сыроватой, мшистой почвой', *сџр* 'русский' (говорят в их присутствии, чтобы не поняли, о чем речь), *тэрџб* 'хлам на дне ручья, реки', *чазъя шан'га* 'шаньга с конопляной на-

чинкой', *шул'гарук, пакџрук* 'левша'.

Некоторые слова и выражения в монографии зафиксированы неточно: *жут* 'заболоченная лесная чаща' — надо 'низменное сырое место с небольшим еловым лесом'; *йыкџс* 'пояс, опояска' — надо 'самотканый пояс из шерсти в сажень — полтора длиной, носится женщинами'; *кымџр павчас* 'облако' — надо *палчас: кымџр палчас* 'небольшое облачко'.

Монографию завершают «Тексты» (с. 265—269), представляющие собой бытовые рассказы и короткие сказки. В отличие от других монографий здесь отсутствуют песни, легенды, предания, загадки, пословицы, поговорки, отдельные выражения и т. п. Подобного рода материал позволил бы составить более полное представление о диалекте.

Отмеченные недостатки не умаляют ценности этого интересного исследования, основное достоинство которого состоит в сборе, систематизации и введении в научный оборот обширного материала по этому самобытному диалекту коми-зырянского языка.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1986.4.17>

I. R. Kortt, Ju. B. Simčenko, Wörterverzeichnis der Nganasanischen Sprache. Teil 1: Nganasan-Deutsch-Russisches Glossar, Berlin 1985 (Systemata mundi. Institut zur Erforschung fremder Denksysteme und Organisationsformen. Materialien. Bd. 1). 422 с.

Сотрудничество в рамках научного обмена между ФРГ и СССР дало возможность подготовить к публикации и издать в новой серии «Systemata mundi» первый словарь нганасанского языка, основанный главным образом на языковых материалах, которые собрал советский этнограф Ю. Б. Симченко в ходе полевых работ на Таймыре в 50-х и 60-х годах. Книга включает в себя нганасанский глоссарий из примерно 3 тысяч форм с немецкими и русскими переводами (с. 63—220), а также в целом тождественные ему по содержанию русско-нганасанскую (с. 221—316) и немецко-нганасанскую (с. 317—422) части.

Перед нами своеобразное во многих отношениях издание, подготовленное двумя специалистами по этнографии и фольклору, а не профессиональными лингвистами. Точнее всего было бы, пожалуй, на-

звать его «Материалами к словарю нганасанского языка», подчеркнув тем самым предварительный характер публикации, которая не снимает нужды в создании по возможности полного нганасанского словаря (основанного на чисто дескриптивных или же на историко-этимологических принципах) и, вероятно, не смогла бы заменить собой и краткого школьного словаря, если бы в районах расселения нганасанов велось преподавание на родном языке. Но собранные материалы настолько богаты и интересны, что их введение в научный обиход должно рассматриваться как событие первоочередной значимости для самодийского языкознания. (Рецензент в течение ряда лет имел ценную возможность использовать значительную часть данных словаря благодаря любезности Ю. Б. Симченко (см. Хелимский 1982 : 4)). Еще одна особенность слова-

ря — его этнолингвистическая ориентированность, проявляющаяся, в частности, в широком привлечении ономастики и особенно теонимии, в объединении собственно переводов с пояснениями по поводу многих упоминаемых реалий и полейтий. Больше внимание будет уделено этнолингвистическому аспекту в пока не опубликованной второй части книги, задуманной как нганасанский *Reallexikon*.

Для подачи нганасанских слов использована латинская транслитерация записей, первоначально делавшихся на основе русской графики с применением только двух дополнительных знаков (' для гортанного смычного и \hat{a} для гласного, который в современных работах по нганасанскому языку обычно обозначается \hat{a}). Несколько необычно выглядит передача йотированных гласных через комбинацию надстрочной угловой скобки ($\overset{\curvearrowright}{}$ — ниже передается знаком ') и соответствующего нейотированного гласного, откуда такие написания, как $\overset{\curvearrowright}{a}k\overset{\curvearrowright}{u}ta$ (< *якю́та*) 'якут', $\overset{\curvearrowright}{h}\overset{\curvearrowright}{u}\overset{\curvearrowright}{u}li$ (< *хю́юли*, т. е. */hūli/*) 'большая берцовая кость'. В значительной части случаев принятая система транслитерации обеспечивает запись нганасанских слов в форме, соответствующей их фонологическому составу, однако некоторые сегменты в принципе не могут быть различены парно (например, η и ηg , $\delta\ddot{u}$ и $d'u \sim d'\ddot{u}$), а в обозначении других сегментов и отдельных звуков наблюдаются колебания. Следует отметить, что составители сознательно (см. с. 1) отказались от унификации вариантов и сведения их в одну словарную статью, так что нередко рядом можно увидеть такие приведенные порознь формы, как *niftig'uj's'a* 'передышка', *nift'ug'uj's'a* 'отдых' и *nift'ug'us'a* 'перерыв', *mint'agána* 'возможно', *mint'agáni* 'приблизительно, примерно' и *minteg'ény* 'может быть, вероятно', *sýdanka* 'тень (реальная)' и *sýdánká* 'тень человека, которая после смерти уходит в потусторонний мир' и т. д. С другой стороны, во многих случаях колебания в написаниях отражают реально существующую диалектную или идиолектную вариантность произношения (это, в частности, относится к вариантам типа */niftigüjs'a/* ~ */niftügüjs'a/*), а опыт полевой работы с информантами-нганасанами позволил рецензенту убедиться, с какими

трудностями сопряжена фиксация фонетического облика нганасанских слов, особенно при наличии в их составе дифтонгических сочетаний, имеющих тенденцию к стяжению в аллегривной речи. В качестве досадного недоразумения следует отметить, что в выписках из монографии Н. М. Терещенко (1979), введенных в словарь выборочно и в ограниченном количестве (хотя очерк морфологии (с. 29—60) почти целиком основывается на описании Н. М. Терещенко), знак \hat{a} воспринят как \hat{e} и транслитерирован как *e* (следовало бы \hat{a}), откуда такие «фиктивные» варианты форм, как *ámny* и *émny* 'здесь', *sánkâgâ* 'вес, тяжесть' и *senkége* 'веский, тяжелый', *nâmâgâ* 'честный, прямой' и *nemégimsi* 'выпрямиться'.

Учет отмеченных особенностей используемой графики служит необходимой предпосылкой для лингвистического анализа опубликованного в книге материала. О том, насколько этот материал продвигает вперед наши знания о лексике самого северного языка Евразии, можно судить по тому факту, что многие нганасанские слова, в том числе и корневые, зафиксированы впервые. Вот лишь несколько примеров лексем, которые, насколько нам известно, не встречались в опубликованных ранее источниках и находят точные этимологические соответствия в энецком, ненецком и других самодийских языках (для краткости указываются только формы тундровых диалектов энецкого языка — по неопубликованным материалам автора рецензии — и ненецкого языка — в унифицированной транскрипции на основе данных Т. Лехтисало и Н. М. Терещенко):

čili 'кирка из переднего отростка оленьего рога', *čil'eráky* 'отростку рога подобный' — ср. эн. *t'ire* 'основание рога', нен. *t'il'a* 'нижнее ответвление рога' (сев.-самод. **tilä*);

fag'úo 'косой, кривой' — ср. эн. *paguo* 'косоглазый'; поскольку энецкое слово имеет своим точным этимологическим соответствием нен. *paŋguj* то же, а нганасанское явно не может восходить к **pâŋkojâ*, то перед нами несомненный пример энецкого заимствования в нганасанском;

h'úuli (т. е. */hūli/*) 'большая берцовая кость' — к самод. **puǰilz* ~ **puǰjnlz* 'коленная кость' (Janhunen 1977 : 130);

kolmýra: *k.-hóra* 'фетиш шамана, который изготавливается из шкуры морды волка' — по всей видимости, к сев.-самод.

**kálmērā* 'покойник, мертвец', далее к самод. **kálmz(-)* 'мертвец, дух' (Janhunen 1977 : 59); судя по переводу у И. Р. Кортта и Ю. Б. Симченко (собственно говоря, этнографическому пояснению), словосочетание *kolmýra hora* 'лицо покойника' современными нганасанами уже не воспринимается в его этимологическом значении; ср. еще *kalmýra-hóra* 'Толстомордая: женский дух-помощник шамана';

koṽbakúra 'улитка' — ср. эн. *kṽ boṽuro* 'раковина' (нган. *koṽ*, эн. *kṽ* 'ухо') (сев.-самод. **káw bākorā*);

*k'unká*¹ 'нос лодки' — к самод. **kunḱā* 'изогнутая часть, нос (лодки)' (Janhunen 1977 : 78), ср. еще эн. *kugo* 'нос (судна)';

m'únto 'кусок, часть' — самод. **munt'ā* 'кусок' (Janhunen 1977 : 96), ср. еще эн. *mudo* 'кусок, глоток';

n'úonghy (правильнее в рукописном варианте материалов Ю. Б. Симченко: *núonxu*, т. е. /*núonhu*/) 'макушка' — к самод. **ńāmpā* 'темя, макушка' (Janhunen 1977 : 99; у Ю. Янхунена — альтернативные реконструкции (**ńāmpā*/**ńāmpā*/**ńāmpā*) ввиду отсутствия данных из ключевых языков, которыми здесь оказываются нганасанский и энецкий, ср. еще эн. *naba* то же).

tānku 'ягодица' — ср. эн. *tiga* 'зад и ляжки', нен. *teŋga* 'ококор' (сев.-самод. **teŋka*).

Не менее ценный материал дает новая публикация и для изучения контактных лексических связей нганасанского языка, для выявления слоев эвенкийских, долганских, ненецких, энецких, русских заимствований. Остается, впрочем, неясным статус целого ряда включенных в словарь русских (часто диалектных) слов, обозначающих реалии нганасанского быта и культуры: *argis* (аргнш), *bakari*, *čir*, *čum*, *hor'ej*, *kamlāni'e*, *kamós*, *kokul*, *lónčak*, *maut*, *n'uk*, *pokolka*, *postel*, *saman* (шаман), *tamgá*, *'úkola*, *važenka*. Действительно ли все они заимствованы в нганасанский язык из русского — при том, что можно без труда найти и их искон-

ные эквиваленты? Думается, что атрибуция этих слов нганасанскому языку основывается скорее на этнографических, нежели на лингвистических признаках. Видимо, по недоразумению проник в словарь *m'ándas* 'мифологический персонаж, обладающий способностью превращаться в оленя'. Перед нами, конечно, не кто иной, как саамский (!) олень-оборотень *Měāndaš* /*Мяндаш* (Itkopen 1958 : 245; Чарнолуский 1965). Поскольку заимствование этого образа и имени нганасанами у саамов абсолютно невероятно, приходится предполагать, что при расписывании лексик из этнографической литературы допущена ошибка. Наконец, при «полноценном» заимствовании в нганасанский язык ожидалась бы фонетическая адаптация таких слов, как *biómo* 'предводитель, глава' (энецкое — ср. этимологически соответствующее нган. *bārbā*), *golomó* 'чум из дерна' (эвенкийское и долганское), *hábi* 'ханты, манси' (ненецкое), *háda* 'старшая сестра матери, бабушка' (ненецкое — ср. этимологически соответствующее нган. *koṽ*).

Большого внимания заслуживает широко представленная в словаре лексика эмоциональной и интеллектуальной сферы. Известно, что сбор подобной лексики представляет особые трудности, не в последнюю очередь из-за существенных различий между культурными субстратами языка-объекта и языка описания. Обратим внимание на то обстоятельство, что часть зафиксированных выражений из данной сферы фактически представляет собой слова и словосочетания метафорического или описательного характера, нуждающиеся в специфической лингвистической дешифровке. Например: *bóndudilorý*-*sy* 'прославиться' (= *bəndu d'ilərɨsɨ* 'быть поднятым вверх'), *d'úoratu* 'горе, грусть, скорбь, тоска' (= *d'orətu* 'плачут'), *nanúnān'agā* 'понравиться' (= *nanunə nāgə* 'для меня хорошо'), *ngukogéjkoṽud'a* 'удача, успех' (= *ŋukəgəj koṽud'a* 'много убить'), *ngúočanubúorsa* 'судить' (= *ŋ'əj'ənu buərsa* 'вместе/одновременно обговаривать'), *omóč'uhony* 'вера, круг знаний о мире' (? = *əmə t'ühəŋi* 'в это время'), *sod'émtýd'əftud'a* 'указывать, показывать' (= *səd'əmti d'əftud'a* 'рассказывать дорогу'). Сходные уточнения вносит лингвистическая дешифровка и в случаях

¹ На с. 142 опечатка: *k'nká*; правильно на с. 265.

типа *d'ekomytymý* 'туша' (= *d'akəmə-tim̄'a* 'неразрезанный', о суффиксальном оформлении см. Терещенко 1979 : 270), *h'el'ėkajtākānydi* 'переехать, переселиться' (= *heljəkajtə konid'i* 'пойти на другую сторону'), *mānāmištima* 'свой' (= *mənə mištimə* 'моя вещь'), *mot'úrima* 'дух-помощник шамана' (= *məi' irimə* 'шесть моих дедов'), *mounitydiladi* 'подбирать, собирать' (= *məi nitə d'iləd'i* 'поднимать с поверхности земли').

Нередкие отступления от требований научной лексикографии при подаче и тол-

ковании нганасанских слов могут затруднить пользование словарем, особенно для неспециалистов, однако в общей оценке нового издания следует исходить из того позитивного вклада, который И. Р. Кортт и Ю. Б. Симченко внесли в сумму лингвистических и этнографических сведений о нганасанах. Опубликованные материалы заслуживают тщательного изучения и в дальнейшем явятся одним из наиболее фундаментальных источников для лексикографической разработки нганасанского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Терещенко Н. М. 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
Хелимский Е. А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели, Москва.
Чарнолуский В. В. 1965, Легенда об олене-человеке, Москва.

- Itkonen, T. I. 1958, Koltan- ja Kuolan- lapin sanakirja I, Helsinki (LSFU 15).
Janhunen, J. 1977, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 17).
Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

С. Е. Мельников, О чем говорят географические названия. Историко-лингвистические и краеведческие заметки, Ленинград 1984. 200 с.

Автор рассматривает происхождение свыше 500 топонимов Псковской области. Во введении он справедливо отмечает, что географические названия *Самолва, Кухва* (в словарной части, к сожалению, не приведено), *Кудеверь* и *Мешоколь* свидетельствуют о том, что до колонизации Псковщины славянами здесь проживали прибалтийско-финские племена. Именно этим обусловлен интерес финно-угроведов к данному региону. Кроме того, как известно, вплоть до относительно недавнего времени этот край массово заселяли выходцы из Эстонии. При составлении словаря географических названий Псковской области С. Е. Мельников использовал древние письменные источники, этимологический словарь русского языка М. Фасмера, брошюру А. И. Попова «Следы времен минувших» (Ленинград 1981) и т. д., однако в списке литературы отсутствуют две работы: А. И. Лебедева, Топонимика Псковской области (Лингвистический анализ). Автореф. канд. дисс., Ленинград 1952, и M. Vasmer, Balten und Finnen im Gebiete von Pskov. — Studia baltica, 1933, Bd. 3.

Из прибалтийско-финской топонимии в словаре, по нашему мнению, правильно

тракуется происхождение географических названий с основой *Вел-* (*Велье* и др.), *Лямоны, Насва, Неведро, Пийрисаар, Раи, Самолва, Утроя, Чудское озеро*, а может быть, также *Мешоколь, Сержа* и *Шелгуны*. Многие топонимы интерпретируемы на основе нескольких языковых групп, окончательный результат пока невозможно получить. Конкурирующие этимологии иногда отсутствуют в книге. Так, С. Е. Мельников представил лишь гипотезу о финно-угорском происхождении названия Пскова, однако существует и не менее внушительная славянская этимология. Автор рецензируемой работы считает, что *Вёска* восходит либо к рус. *весь* 'деревня', либо к эст. *veski* 'мельница', а *Вёски* — только к последнему. По мнению рецензента, оба топонима скорее имеют славянское происхождение. С. Е. Мельников возводит *Курья* к рус. *курья* 'речной залив', имевшему, по данным некоторых исследователей, финно-угорский источник. Необходимо учесть, что основа *Кур-* могла обладать и другими значениями (впрочем топонимы с *-ея* широко распространены на территории соседней Белоруссии).

При рассмотрении *Сороть* приведены